

Александр Коломийцев

Начало

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К61

К61 **Коломийцев А.**
Начало / Александр Коломийцев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2021. – 144 с.

ISBN 978-5-00073-886-3

Суровая реальность, суровый край и суровое время отразил на страницах книги «Начало» современный писатель Александр Коломийцев.

Автор, убеждённый, что каждый человек должен знать историю своей страны, особенности родного менталитета и пути, которыми идёт его

Родина, а вместе с ней и все люди, перенёс читателя в прошлое. Действие повести развивается во времена царской России. В деталях показан людской быт, взаимоотношения, мечты, стремления и даже говор,

присущий той эпохе. Повествование перемежается описаниями волшебной алтайской природы. Но во главе угла стоит жизнь рудника: тяжёлая работа, старые технологии и нововведения, сложности, с которыми приходится бороться каждый день, и трагедии, которые иногда случаются.

О сильных духом русских людях, способных выжить в самых тяжёлых условиях, не боящихся ни шахт, ни гор, ни тайги, рассказывает автор, словно открывает портал в иное измерение, где читатель ещё никогда не бывал.

ISBN 978-5-00073-886-3

© Lennex Corp, 2021
© А. Коломийцев, 2021

Александр Коломийцев

НАЧАЛО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Новокузнецк
Издательство «Союз писателей»
2018

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)
К612

Коломийцев А. П.

К612 Начало: историческая проза. — Новокузнецк:
Издательство «Союз писателей», 2018. — 144 с.

ISBN: 978-5-00073-886-3

Суровая реальность, суровый край и суровое время отразил на страницах книги «Начало» современный писатель Александр Коломийцев. Автор, убеждённый, что каждый человек должен знать историю своей страны, особенности родного менталитета и пути, которыми идёт его Родина, а вместе с ней и все люди, перенёс читателя в прошлое. Действие повести развивается во времена царской России. В деталях показан людской быт, взаимоотношения, мечты, стремления и даже говор, присущий той эпохе. Повествование перемежается описаниями волшебной алтайской природы. Но во главе угла стоит жизнь рудника: тяжёлая работа, старые технологии и нововведения, сложности, с которыми приходится бороться каждый день, и трагедии, которые иногда случаются. О сильных духом русских людях, способных выжить в самых тяжёлых условиях, не боящихся ни шахт, ни гор, ни тайги, рассказывает автор, словно открывает портал в иное измерение, где читатель ещё никогда не бывал.

УДК 82-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)

© Коломийцев А. П., текст, 2018
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2018

ISBN: 978-5-00073-886-3

Русским людям, особенно юношам,
следует знать историю Отечества.

Только ведая об истоках, можно
постигнуть смысл дел настоящих и
устремлять ясный взгляд в будущее.
... Я не против немцев баталии веду,
а против тех, кому судьба России
безразлична! Среди них русских-то
довольно будет, им бы только
казённые оклады получать, а где —
едино. У них у каждого петелька-то
наперед, а крючочек позади, вот они
и цепляются друг за друга, не любя и
не понимая ни России, ни пути её.

М. В. Ломоносов

Глава 1

Гора скрывала много тайн. Со времён «чуди незнаемой» люди пытались познать их. В недрах её текли реки расплавленного золота и серебра, в пещерах лежали груды слитков драгоценного жёлтого металла. Все эти богатства стерёг со своими свирепыми помощниками обитавший в тёмных запутанных переходах кровожадный Змей полз о семи головах. Неохватное тулово его тянулось на десятки сажений. Так гласили стародавние предания. Обходили стороной Змеёвую гору люди робкие, несмелые. Рисковые же, алкавшие несметных богатств и сокровищ, проникали в ходы, прорытые «чудью незнаемой», из них в змеиные лазы и исчезали бесследно, ибо лишались живота своего от одного лишь змеиного свиста. Пробирались рискованные люди в недра

Горы, уходили и не возвращались. Богатство прельщало, подобно колодцу, пригрезившемуся умирающему путнику в безводной пустыне. На смену сгнувшим искателям счастья являлись новые. Их истлевшие костяки находили горные служители в старых выработках. Имелись и иные тайны. Из Змеиной горы вёл подземный переход в соседнюю, пустую внутри. Там по зеркальной глади неохватного взором озера, застывшего в жутком безмолвии, скользил струг, до краёв наполненный червонным золотом. Искали рискованные люди то озеро, даже находили и струг видели, а взять ничего не могли. Ужас великий охватывал их, не помнили, как наружу выбрались, и путь к озеру забывали. Но то всё не главные тайны. Главная же в том — в недрах горы Змеиной скрывался вход в Беловодье. Беловодье! Блаженная мечта униженных и оскорблённых. Не было в Беловодье жестоких и алчных бояр и дворян, свирепых царей и гонителей веры, жестокосердных и беспощадных горных командиров и их прислужников. Не было в Беловодье ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, не знали в Беловодье про воровство, пьянство и блуд, всякие немочи. Но были в Беловодье вечная красота и истина. Жители сего благословенного края были светлы и чисты и ликом, и душой; все мужеского пола крепкого сложения, а женского — статны и миловидны. Все они были добры и справедливы, равны меж собой, никто не унижал и притеснял другого. Мужчины и женщины жили в любви и честном супружестве, и дети на радость родителям рождались здоровенькими. Пашня была плодородна — злаки, всякий овощ, вертограды давали обильные урожаи, а скот плодился и тучнел на вечнозелёных пастбищах. Люди, населявшие Беловодье, жили в достатке и благоденствии, без всякой зависти друг к другу. Не в стылой пустыне у Ледского моря, не в горных дебрях, не в долине Бухтармы, не за горами Богогорши, не в Китайском государстве у неве-

домого озера Лобнор находилось Беловодье, здесь, в запутанных, сочащихся водой, осыпающихся проходах Змеиной горы прятался вход в землю обетованную. Так рассказывали бывалые люди. Уходили в мрачные подземелья люди, искавшие справедливости в этой жизни, а не в загробной, уходили и не возвращались. Не всякий тот вход находил, и не всякому вход открывался. А и о тех, кто проникал в Беловодье, ничего не слыхали. Кто ж по своей охоте покинет земной Ирий?

Солнце добралось до темянника и всюю припекало. Над водой резвились стрекозы, садились на поплавок, раскачивая его из стороны в сторону, у берега в небольших заводях скользили плавунцы. Ветерок шевелил вершины сосен, и те издавали глухой гул, порой ветерок льнул к земле, колыхал лозняк, рябил воду. Михайло вытащил и смотал удочку, забрал улов и, обогнув заросли лозняка, вышел на широкую песчаную косу. Опустив в воду кукан с окунями, разделся, забрёл на мелководье, долго плескался, простирал рубаху, порты. Выйдя на берег, улёгся на горячий песок, подставив жарким лучам тело с выпирающими рёбрами, худющими ногами. Благодать! Так бы и лежал и день, и два, и три, отогреваясь после мрачного душного подземелья. И дышал, дышал полной грудью чистым воздухом, пахнущим нагретыми соснами, речкой, травами.

Сегодня воскресенье, прошлую неделю отработали дневную, завтра идти в ночь. Отпросившись у десятника, три друга ушли на Корбалиху порыбалить, погреться на солнышке.

Подошёл Овдоким с куканом и удочкой. Сел рядом, спросил негромко:

— Греешься?

— Греюсь. Так ноги крутило, мочи не было терпеть.

— А ты их в песочек, в песочек зарой. Песок-от горячий, все кости прогреет, полегчает.

Овдоким посидел немного, ероша бороду и морща лоб. Какая-то беспокойная тревожная дума не давала покоя горному служителю. Резко поднявшись, Овдоким наломал сушняка, развёл костёр, устроил очаг, повесил на перекладине котелок с водой, бросил в него пару горстей пшена. Подобрал плоский голыщ, принялся чистить на нём рыбу. Послышался шум шагов по траве, и на косу вышел третий удильщик, парень лет восемнадцати. Третий рыбак был самый добычливый: на кукане среди окуней серебрились три сорожки.

— Ну, ты, Митяй, как лось, ломишься, — проворчал Овдоким.

— Видал?! — радостно воскликнул парень, снимая с кукана рыбу и показывая крупную сорожку. — Фунт потянет! Я уж забоялся, лесу б не оборвала. Я тамочки, — захлёбываясь от удачи, продолжал он, — на заутине место надыбал.

Овдоким взял рыбину, взвесил на ладони.

— Не, не будет фунта, на полфунта с лишком, пожалуй, потянет.

Митяй шмыгнул носом, возразил обидчиво:

— Ну да, не потянет! Никак не меньше фунта.

Парень ещё переживал восторг удачи, голубые глаза его опущённые длинными ресницами, радостно блестели. Михайле, казалось, дела нет до рыбы. Лежал молча, не вступая в спор товарищей своих, глядел в голубую вышину. На большеносом широкоскулом лице его читалась безмерная усталость и отрешённость.

— На ножик, дочисть рыбу.

Овдоким отдал молодому товарищу нож, сел на песок, глядя на играющую солнечными бликами речку.

Это были холостые рабочие с рудника, зрелые мужики лет за тридцать. Долбили шпурь, дружбу водили давно.

Весной к ним приткнулся молодой откатчик Митяй.

Уха закипела, забурлила. Овдоким сдобрил варево солью, бросил в него две луковицы. Хлебали молча, дую в деревянные обкусанные ложки.

— Эх, лепота-то какая! Как в Беловодье! — воскликнул Овдоким, выплёвывая кости и блаженно растягиваясь на песке. — Солнышко греет, брюхо сыто, ни тебе мастеров, ни шихтмейстеров.

— И батоги не свищут, — ехидно поддакнул Михайло.

— Да, вот найти бы Беловодье... — мечтательно произнёс Митяй.

— Иде ты его найдёшь? — отозвался Михайло. — Сказки то всё.

— В прошлом годе мужик один ушёл искать по штольням из Екатеринки и не вернулся. Видать, нашёл, — возразил Митяй.

Михайло проворчал:

— Кто его знат, кого нашёл, Беловодье или смерть свою.

Овдоким со злым надрывом в голосе поддержал молодого товарища:

— А чо, поискать, дак и нашли бы. Мочи моей уж нет терпеть эдакое мучительство.

— Да кто ж нас пустит в Беловодье? — хохотнул Михайло. — Беловодье людям безгрешным, незлобивым открывается. А ты на прошлой неделе, как батогов всыпали, чегось обещался, запомятовал? Мастера грозился придушить, а уж злобен-то был, а уж злобен. Не, не хочу я в подземелье помирать, лучше здесь, на воле, — Михайло помолчал, добавил: — На воле, в горах надо Беловодье искать.

— А чо! Я б пошёл! — встрепенулся Овдоким. — Куда итить токмо?

— Стражники пымают, запорют батогами, — поёжился Митяй.

— А пускай, пускай словят! Да хоть б годок, месячишко-то волюшки хлебнуть, — воскликнул Овдоким и, задумавшись, повесил голову.

Одна мысль вскружила головы троим друзьям. Они уже сидели кружком на песке, говорили, как о давно решённом.

— На полдень надо идти в горы. Найдём каку деревеньку, наймёмся в работники, там оглядимся: останемся или дальше пойдём, — рядил Овдоким, обмысливая побег.

— Не об том сейчас речь, — высказывал свою задумку Михайло. — Лета самое начало, в тайге ещё голодно. Птахи всякие птенцов вывели, яиц нету, а птенцы — голимый пух. Кого с них возьмёшь? Ни колбы, ни ягод, ни грибов ещё нету. Пропитания в тайге сейчас нету никакого. И зверя нам голыми руками не добыть. С голодным брюхом много не набегаешься. Подготовиться надо. Муку недавно выдали, пуда полтора наскребём поди-ка. Отдадим бабам, чтобы хлебов напекли да сухарей насушили. У мужиков-урочников бредешок выменяем, вот тада и побегим.

Овдоким задумался.

— А сболтнёт кто ежели? Сразу догадаются, зачем сухари сушим. Это чо ж, до осени готовиться будем? Не, я так не согласный.

— Уж прям до осени, — возразил Михайло, — неделю-другую повременим. А как ты хотел, приготовиться надобно. Чо ж так-то бечь?

Овдоким вскочил, топнул ногой по песку, запустил руки в волосы, вскинул лицо кверху:

— Вы как хотите, мужики, а я на рудник не вернусь. Мочи моей нету терпеть страсти эти. Да нешто Вседержитель душу в нас вдохнул, штобы терпели мы всё это. Да лучше было бы родиться тварью бессловесной, штобы не чувствовать ничего. Скотину так не держат, как нас держат. Вы гляньте: солнышко сияет, пташки щебечут, ветерок дует, и

нету над имя ни надсмотрщиков, ни командиров. Нешто не про нас вся эта благодать божья? За каки таки грехи мучительства терпим? Опять нам в подземелье проклятое? Да не бывать тому! Пускай меня хотя б насмерть запорют да хоть на плаху голову положат, — вскричал Овдоким, сжимая перед собой кулаки. — А хоть денёк да подышу волюшкой!

Представив себя на миг свободным человеком, Овдоким ощутил прилив оглушающего счастья и не мог насильно заставить себя вернуться в неволю.

Через полчаса ветви раскидистой боярки колыхнулись и скрыли беглецов.

Глава 2

До полуночи было ещё далеко, но всё пространство погрузилось в темноту, разрежённую немощным светом бледного серпика и сиянием перемигивающихся звёзд. После недавних буранов землю придавил жестокий мороз. Казалось, всё живое, сохраняя тающее тепло, притихло, свернувшись комочками, даже буянивший столько времени ветер оцепенел и скукожился. Лишь люди, презрев стужу, занимались своими делами. Бороды у мужиков смерзлись у рта, губы слиплись. Лошади покрылись пушистыми попонами.

По сторонам дороги появились очертания причудливых строений, разбросанных в беспорядке. Пашка отвернул облезлый воротник тулупа, спросил у возницы:

— Дяденька, это Змеиногорск?

Возница обернулся, разлепил губы, ответил хрипло:

— То камни, не избы. К Саушинской станции подъезжаем, до Змеёва ещё...

Он не договорил. Рядом, казалось, в десятке саженей от дороги раздался вой, суливший гибель всякому живому су-

ществу, дерзнувшему оказаться ночью посреди степи. Следом ещё и ещё слышались голоса серых степных обитателей. Лошадь, доселе едва переставлявшая ноги, всхрапнула, взбрыкнула и перешла на рысь.

— Ах ты, мать честная! — вскрикнул возница, с которого вмиг слетела вязкая дремота, и, не удовлетворившись бегом своей унылой лошадёнки, несколько раз стегнул её по спине.

Остальные сани обоза тоже прибавили ход. Повизгивали полозья, посвистывал ветер. Озноб от крепкого мороза сменился ледяным оцепенением ужаса.

— Чо, забоялся? — спросил Спирька.

— А ты нет? — огрызнулся Пашка.

Вой смолк и более не повторился, но звери были рядом. Лошади из последних сил неслись вскачь. Пашка выбрался из худого тулупа, в который кутался вместе с дружкой. Кнут свистел в руках возницы, не переставая, но ужас подхлёстывал лошадь и без побоев. Рядом с дорогой слышался рык, которого Пашка не слышал даже у самого свирепого пса. Ермолай — так звали возницу — бросил через плечо:

— Шумите чем-нибудь, кричите!

— Кого кричать-то? — испуганно спросил Пашка.

— Да кого хотите, шуму побольше!

Сам Ермолай громким прерывающимся голосом костерил всё земное и небесное, что только взбрело на ум его. Обоз состоял из десятка саней, и хищники пока не решались наброситься на жертву.

— Вот они! — закричал Пашка.

— Поблазнилось? — с надеждой спросил Спирька.

— Никого не поблазнилось. Волчище, пасть разинута, а зубы, зубы-то!..

Перепуганный Спирька с головой укрылся тулупом. Объятый страхом подросток не сообразил, что зубов в темноте его насмешливый дружок разглядеть не мог. Пошарив в пе-